

За два дня до того рокового дня, когда Кэндзи Хагивары не стало, они сидели вместе в недавно открывшейся идзакае неподалеку от пятого квартала Бэйка.

Дзёдзи Идзуми, Ватару Датэ, Дзинпэй Мацуда и сам Хагивара — вчетвером они наслаждались редкими часами отдыха после тяжелой смены. Теплый, желтоватый свет ламп и мягкий хмель приятно окутывали их, помогая забыть о бесконечных буднях.

— Тяжело вам приходится, Идзуми-сэмпай, — лениво протянул Кэндзи Хагивара.

Они с Мацудой сидели напротив. Хагивара подпирал подбородок ладонью. То ли из-за мягкого освещения, то ли от выпитого его глаза влажно блестели, напоминая Дзёдзи повадки уличного кота — такого же вальяжного и себе на уме.

— Мы ведь столько раз пытались выбраться, а получилось только сегодня!

Словно в знак наигранного протеста Хагивара схватил свой бокал и сделал внушительный глоток. Ставя стакан обратно, он не рассчитал силу — глухой стук, и несколько янтарных капель выплеснулись на лакированное дерево.

— Сэмпай, не обращайтесь внимания, — подал голос сидевший рядом Дзинпэй Мацуда.

Он сидел в своей излюбленной непринужденной позе. Даже ночью в полумраке бара он не соизволил снять темные очки — Дзёдзи искренне не понимал этого странного упрямства.

— У этого идиота мозги уже напрочь разжижились от алкоголя.

Мацуда с размаху хлопнул друга по спине, рассчитывая привести его в чувство. Однако перестарался: от дружеского тычка Хагивара попросту ткнулся носом в столешницу.

Занесенная рука Мацуды так и застыла в воздухе. Дзёдзи заметил, как у того взлетели брови. Под темными очками наверняка скрывалось крайнее недоумение — точь-в-точь как у прохожего, под колеса которого внезапно бросился уличный кошка с явным намерением совершить автоподставу.

— Хагивара-кун, да ты, похоже, совсем готов, — Дзёдзи негромко кашлянул в кулак, пытаясь сдержать рвущийся наружу смех.

Теплый свет, струившийся сквозь бамбуковый абажур, мягкой вуалью ложился на лицо Дзёдзи, оставляя легкую тень. В его золотистых глазах плясали смешинки, напоминая подернутую рябью озерную гладь, которую едва задел крылом пролетающий мимо стриж.

«Тому, на кого он так смотрит, чертовски повезло».

Эта мысль лениво шевельнулась в хмельной голове Хагивары. Он несколько секунд заворуженно разглядывал лицо Дзёдзи, прежде чем его обычно острый, но сейчас изрядно заторможенный разум осознал: погодите-ка, так ведь этот счастливчик — он сам.

— Хватит лыбиться как дурак, — Мацуда соорудил такую мину, будто его сейчас стошнит. У него даже веко дернулось от предвкушения того, как завтра протрезвевший Хагивара приползет к нему и начнет канючить.

В красках представив физиономию своего друга, Мацуда мысленно спародировал его жалобный скулеж:

«Сё-дзинпэй, ну почему ты меня не остановил?! Всё пропало! Мой безупречный образ в глазах Идзуми-сэмпая разрушен навеки!»

Глядя на то, с каким обреченным видом Мацуда взирал на друга, Дзёдзи наконец не выдержал и искренне рассмеялся.

— Датэ, твои друзья оказались куда забавнее, чем ты рассказывал, — повернувшись к весело наблюдавшему за сценой Ватару Датэ, Дзёдзи заговорщически подмигнул ему над краем бокала.

— А я что говорил! — Датэ тоже заметно захмелел, хотя до кондиции Хагивары ему было далеко. Он довольно ухмыльнулся: — Я же обещал, сэмпай, что вы быстро поладите.

— И не смотрите, что Мацуда сейчас строит из себя неприступную скалу, — Датэ без тени смущения выдал секреты товарища, который вообще-то собирался платить за эту выпивку. Он отставил стакан и с шутливой серьезностью передразнил Мацуду: — «Прошу тебя, староста, позови с нами Идзуми-сэмпай! Если он придет, я отдам тебе Хагивару в рабство на целую неделю!»

Датэ залился громогласным хохотом, игнорируя свирепый взгляд покрасневшего от ярости друга.

— На самом деле наш Дзинпэй сейчас просто прыгает от радости внутри! Будь мужиком, Мацуда, прояви инициативу!

— Надо же, не думал, что Мацуда-кун у нас такой милый скромник, — Дзёдзи с улыбкой посмотрел на сияющего сохранить лицо парня. Хитро прищуренные глаза Дзёдзи в этот момент делали его похожим на довольного лиса, заприметившего добычу.

Под этим взглядом Мацуда не выдержал и отвел глаза. Щеки предательски потеплели, но он упрямо заставил себя держать лицо.

«Подумаешь, умер от стыда. Эка невидаль».

Чтобы хоть как-то унять бешено колотящееся сердце и побороть желание провалиться сквозь землю, он схватил бокал и осушил его парой больших глотков.

— В таком случае, Мацуда-кун...

Перед ним легла открытая ладонь — изящная, но сильная, с характерными жесткими мозолями у основания пальцев, какие остаются у каждого, кто годами не выпускает из рук табельное оружие.

—...поделишься номером?

Глядя на эту открытую улыбку, Мацуда внезапно понял, как именно его другу Хагиваре удается без труда очаровывать девушек. Разумеется, он вовсе не ровнял Дзёдзи с легкомысленными девицами, но теперь у него не оставалось вопросов, почему перед подобным обаянием невозможно устоять.

— Да! Я согласен! — внезапно ожил Хагивара. Он резко вскинулся из своего полубморочного состояния, энергично закивал и, не глядя, накрыл ладонь Дзёдзи своей лапищей.

— Ого-о, — присвистнул Датэ, явно наслаждаясь комедией. — Тебя обошел пьяный в стельку соперник, Мацуда!

— Согласен он, как же, — процедил сквозь зубы Мацуда, шутливо дернув щекой. Мысленно напомнив себе, что бить пьяных нехорошо, он со снисходительной ухмылкой прижал буйную голову Хагивары обратно к столу.

— Ну что, Идзуми-сэмпай, сообразим по маленькой? — Датэ поднял свой бокал и, заговорщически подмигнув Мацуде, добавил: — Пьем втроем. Оставим этого соню за бортом.

«М-да, Датэ тоже хорош, набрался».

Дзёдзи посмотрел на раскрасневшееся лицо старосты и с улыбкой поднял свой бокал. Похоже, сегодня ему, как единственному трезвому человеку за этим столом, суждено было выступить в роли няньки и развезти это трио по домам.

Хотя... неужели Мацуда всё еще держался? Дзёдзи скользнул взглядом по золотистому пиву, в котором дрожало отражение его собственных смеющихся глаз. Будь Мацуда действительно трезв, он вряд ли стал бы участвовать в столь ребяческой затее.

Но Дзинпэй с воодушевлением поднял бокал, явно радуясь возможности хоть как-то проучить

влезшего не в свое дело друга.

— И за что пьем? — зычно провозгласил Датэ, чье настроение взлетело до небес.

— Староста, ты чего несешь? — Мацуда, не оценив внезапного приступа сентиментальности, наконец-то стянул свои очки. Под ними обнаружили удивительные, синие как глубокое море глаза, в которых сейчас застыло искреннее недоумение. — Чтобы выпить, повод не нужен. Тошно тебе или весело — поднял бокал да жажнул. И вся недолга.

— Не скажи, Дзинпэй, тут тонкий подход нужен, — Датэ упрямо замотал головой. — Радость, тоска — это всё мотивы. Даже когда пьешь в одиночку, твоим поводом становится одиночество.

— И что ты предлагаешь? — Мацуда недовольно поморщился, мол, «ну и зануда же ты», однако послушно принялся перебирать варианты.

— Может, отметим ваше назначение командирами звеньев в Отделе по обезвреживанию взрывных устройств? — предложил Дзёдзи. Наблюдать за ними было одно удовольствие; его непослушный хохолок на макушке забавно покачивался в такт мыслям.

— Да этому событию уже две недели исполнилось, — отмахнулся Мацуда. — Давай лучше выпьем за то, что наш староста наконец-то съехался с Натали?

— Эй, полегче! Такое я с вами праздновать не собираюсь, — лицо Датэ озарилось счастливой улыбкой. — Для этого у нас на выходных запланирован романтический ужин при свечах.

Дзёдзи и Мацуда, которых только что безжалостно накормили чужим семейным счастьем, дружно замолчали.

— Тогда давайте просто выпьем за то, что мы собрались здесь сегодня, — Дзёдзи подпер щеку рукой. В этой теплой компании он и сам почувствовал, как хмель приятно кружит голову, хотя обычно никогда не позволял себе расслабляться. — Раз уж повод может быть любым, этот подходит идеально.

— А ведь сэмпай прав, — Датэ ненадолго задумался и решил не усложнять себе жизнь.

— Ну, за нас!

Позже он не раз ловил себя на горькой мысли, что должен был поступить иначе.

Весть о гибели Кэндзи Хагивары настигла Дзёдзи посреди рабочего дня, когда он буквально тонул в бесконечном море рапортов и отчетов.

Когда Уэно Мацусима зашел в кабинет и зачитал сводку, обычно безупречно работающий разум Дзёдзи на мгновение просто отключился.

— Я понял, — тихо отозвался он.

Дзёдзи коротко кивнул. Рука с перьевой ручкой, зависшая над бумагой на долю секунды, снова пришла в движение. Он продолжал выводить аккуратные иероглифы так спокойно, словно ему только что сообщили дежурную новость из утренней сводки.

Мацусима не решился нарушить молчание — лезть в личные дела руководства было не в его правилах. Однако он не мог не заметить, как сильно Дзёдзи вдавливал перо в бумагу, оставляя глубокие, рваные следы на бланке отчета. Подавив вздох, подчиненный тихо выскользнул за дверь.

Служба в Отделе по обезвреживанию взрывных устройств всегда была хождением по лезвию бритвы. Нагрузка в Первом следственном отделе порой казалась невыносимой, но риск для жизни там не шел ни в какое сравнение с той ежедневной смертельной рулеткой, в которую играли саперы.

Еще тогда, когда Хагивара и Мацуда наотрез отказались от перевода в Первый следственный отдел и ушли в Отдел по обезвреживанию взрывных устройств, Дзёдзи подсознательно понимал, что этот день может настать.

Но реальность оказалась безжалостной. Костлявая пришла слишком рано, застав всех врасплох.

Кэндзи ведь был совсем мальчишкой.

В памяти всплыл его задорный, искрящийся взгляд из-под челки в тот вечер в идзакае. Дзёдзи стиснул зубы. В груди ворохнулось запоздалое, душное раскаяние.

Он бессмысленно смотрел на стопку документов, но перед глазами раз за разом вставала одна и та же картина: теплый свет ламп, Мацуда, Датэ и поднятые вверх бокалы.

«Нужно было растолкать его тогда. Разбудить и заставить выпить вместе с нами», — назойливой мухой крутилась в голове одна и та же мысль.

Похороны Хагивары проходили в ослепительно ясный, солнечный день. В могилу опустили пустой гроб — под могильной плитой не было праха, лишь сиротливо лежала наградная заковка в виде цветка сакуры, символ его недолгой, но честной службы.

Дзёдзи на церемонию не пришел. Этот мир безразличен к чужому горю — земля продолжала вращаться, а волна нераскрытых дел накрывала отдел с головой. Наступившая жара плавил асфальт и разжигала в людях худшие страсти: подражатели, убийства на почве ревности, грабежи — преступления сыпались одно за другим, словно из прохудившегося мешка.

Чтобы удержать город от паники, Дзёдзи буквально жил на работе, разрываясь между допросами и выездами. Даже Датэ, едва успев бросить горсть земли на гроб друга, вынужден был немедленно вернуться на дежурство.

Да и какие слова могли помочь? Сейчас Мацуде, потерявшему своего самого близкого друга с самого детства, меньше всего нужны были дежурные соболезнования. Эту пустоту ничем не заполнить — такое горе каждый должен выстрадать и переболеть в одиночку.

<http://bllate.org/book/18343/1869660>